

В. А. Могильников

Москва, Институт археологии РАН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРЫ КИМАКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАТИКОЙ ЭТНОГЕНЕЗА СИБИРСКИХ ТАТАР

Северо-западные предгорья Алтая и Верхнее Прииртышье в IX-X — первой половине XI в. занимали тюркоязычные племена кимаков, сыгравшие, наряду с кыпчаками, большую роль в генезисе целого ряда тюркоязычных народов юга Западной Сибири, в том числе сибирских татар и казахов, а также народов Восточной Европы — татар Поволжья и Крыма, башкир, а ранее — половцев. В этнонимике западно-сибирских татар на территории Притоболья, Прииртышья и Барабы сохранились названия, восходящие к этнониму *кимак*. Так, часть жителей Верх-Ингалинских юрт Исетского района называются *каймаклар* (каймаки, кимаки). В списке деревень барабинских татар был аул Каймак и др. [Тумашева 1992]. Исходной территорией миграции кимаков в XI-XIII вв. в лесостепные районы Западной Сибири явились как раз Верхнее Прииртышье и северо-западные предгорья Алтая, где открыты памятники кимаков, позволяющие представить облик их культуры и особенности этнического состава. В свою очередь, это дает возможность судить о динамике культуры в ходе движения кимаков из исходных районов их обитания на запад и северо-запад.

Основным критерием выделения кимакских памятников является погребальный обряд, для которого характерны захоронения усопших под каменно-земляными курганами головой на восток, северо-восток в сопровождении коня или без него. Такая специфика ритуала дает возможность отделить в предгорьях Алтая и прилегающей степи памятники кимаков от памятников сроткинской культуры, оставленной тюркизированным самодийским населением Верхнего Приобья и очень близкой, почти идентичной кимакским памятникам по облику инвентаря. Ввиду недостаточной изученности курганов степных районов Алтайских предгорий точная граница между кимаками и «сроткинцами» не устанавливается, но сейчас можно достоверно распространять ареал кимаков на верхний и средний Алей до Поспелихи, на бассейны среднего Чарыша с включением Ини и Белой, а также междуречье Чарыша и Алея в указанных пределах с включением региона Змеиногорска. Ниже Поспелихи по Алею представлены памятники сроткинской культуры (Нечунаево, М. Панюшево и др.), ареал которых смыкается с сроткинским ареалом Верхнего Приобья, представляя его юго-западную периферию. Облик культуры средневекового населения по нижнему Чарышу остается пока неизвестным. Там могут быть как собственно кимаки, так и сроткинцы. В Павлодарском Прииртышье и на севере Кулундинской степи в IX-X вв. прослеживается смешение разноэтничных компонентов самодийского, угорского, кимакского и огузского происхождения, отражением чего является синкретичность погребального ритуала и инвентаря могильников Бобровского на Иртыше, Хорошенок и Заозерское в Кулунде, характеризующегося захоронениями ингумаций с конем (по кимако-кыпчакскому ритуалу), с головой и конечностями коня (вероятно, огузского происхождения), ритуалу кремации в форме, свойственной самодийцам, а также — круглодонной керамикой с фигурно-штамповой орнаментацией, более присущей угорскому этносу лесного Прииртышья, и плоскодонными горшками, скудно орнаментированными рядом ямок и крупнозубой гребенкой, присущими тюркоязычному населению степи.

В пределах указанной территории северо-западных предгорий Алтая памятники кимаков локализируются в отдельных микрорайонах скоплениями курганных групп, состоящих, в свою очередь, из небольшого числа насыпей (обычно в пределах до 10). Микрорайоны приурочены к наиболее удобным местам обитания, характеризующимися на р. Алей обширными расширениями

Сибирские татары

поймы со старицами и заливными лугами, создающими благоприятные условия для выпаса скота. Наиболее полно исследован микрорайон в окрестности с. Гилево Локтовского района и до д. Корболиха Третьяковского р-на Алтайского края, протяженностью вдоль р. Алей около 25 км, шириной до 5 км. Вторым подобный, но меньший микрорайон находится выше по Алею у д. Камышинка Третьяковского района. В Гилевском микрорайоне нами было исследовано около 130 курганов IX-X вв. Курганы стоят чаще близ края коренной террасы цепочками, ориентированными С — Ю. Реже они располагаются группами без четкой планировки. Диаметры насыпей обычно 6-12 м, высота — до 0,5-0,6 м. Внешне они округлой или овальной формы, задернованы. Края отдельных камней выступают из-под дерна. В курганах выявляются 4 основных вида каменных сооружений: прямоугольные, близкие к квадрату, ограды, округлые кольца, выкладки типа панциря и каменные наброски без четко оформленной конструкции. Специфичными и количественно преобладающими были прямоугольные ограды, сложенные на уровне древнего горизонта из необработанного камня в 2-3-4 слоя. В единичных случаях наблюдалось подтесывание камня, обращенного к внешней стороне ограды (Корболиха VIII, к. 4). Стороны оград ориентированы по странам света с отклонениями параллельно оси, расположенной в центре ограды могильной ямы. Ограда сооружалась после устройства захоронения в яме. С северной и южной сторон к основной ограде в ряде случаев пристроены дополнительные ограды, содержавшие также погребения в ямах. Сооружение приобретало форму длинного кургана, объединявшего на Алее до трех погребений, а на верхнем Иртыше до восьми. При этом длинные курганы представляли семейные усыпальницы, поскольку содержащиеся в них захоронения отражают половозрастную стратификацию с размещением в центральных оградах более богатых захоронений преимущественно мужчин, а в боковых — женщин, подростков и детей. Прочие конструкции немногочисленны. Округлые кольца образованы наброской камня на уровне погребальной почвы и в насыпи. Дальние конструкции единичны, и часть из них, вероятно, представляют разрушенные или небрежно сооруженные подпрямоугольные ограды. Выкладки типа панциря имеют вид наброски из рваного камня поверх земляной насыпи кургана. Их разновидностью являются выкладки, накрывающие только центральную часть насыпи. Последние единичны (Гилево VII, к. 10). Помимо каменных оград распространены в значительном количестве каменно-земляные курганы без четких конструкций, но с расположением крупных камней по периметру насыпей. Они представлены в верховьях Алея (Кураевка), в бассейне Чарыша (Ивановка и др.).

Различия в конструкции насыпей отражают, очевидно, неоднородность этнического состава кимяков. Это подтверждается анализом других деталей погребального обряда и инвентаря.

Захоронения произведены в прямоугольных ямах на спине вытянуто головой на В — СВ. Единичны ориентировки погребенных головой на С или ВЮВ. Выявлено устройство деревянных обкладок стенок в придонной части могил из бревен или плах в один венец с последующим продольным перекрытием погребальной камеры жердями, досками или горбылями.

Погребения с конем представлены 4 вариантами. Наиболее распространены захоронения в прямоугольных ямах с ровным дном и конем, уложенным с подогнутыми ногами головой также на В — СВ, с южной стороны, т. е. слева от погребенного. Конь чаще обуздан и оседлан, отчего сохраняются удила, стремяна и бляхи от украшения ремней сбруи. В то же время имеются единичные захоронения коней только с уздечкой (удилами в зубах) без стремян, что может расцениваться как захоронения без седла или с седлом с деревянными стремянами, которые не сохранились. В единичных случаях представлены захоронения коней на приступке в могильной яме или на краю ямы, а также в отдельной яме, располагавшейся рядом с более глубокой ямой с захоронениями людей (Гилево VI, к. 5). В трех случаях (Гилево V, к. 5, 6; Корболиха VII, к. 1) находились захоронения в сопровождении шкуры, головы и конечностей коня. Все они, несмотря на ограбление, характеризуются богатым инвентарем. В первых двух случаях это парное и единичное погребения воинов, в третьем, судя по украшениям, — захоронение знатной женщины. Отмеченные особенности погребального ритуала присутствуют в памятниках кочевников средневековья на широкой территории степей юга Западной Сибири и Казахстана вплоть до Причерноморья, где они известны в курганах половцев и огузов. У половцев представлены захоронения в сопровождении коней, в т. ч. с захоронением их в отдельной яме, а также конструкции

насыпей курганов с каменной наброской типа панциря. В курганах огузов (торков) имеются аналоги захоронения со шкурой коня.

Видоизменением конструкций типа прямоугольных каменных оград являются курганы с прямоугольными оградами и выкладками из сырцового кирпича, представленные в IX-X вв. в лесостепном и степном междуречьи Иртыша и Оби, в Кулунде и Барабе (Заозерная, Топольное, Олтарь, Романтеево и др.), а в XII-XIV вв. известные в степях Поволжья. Каменно-земляные насыпи курганов представлены у разных групп тюркоязычного населения.

Данные разноэтнические параллели указывают на неоднородность состава населения северо-западных предгорий Алтая IX-X вв., в котором сочетались, при преобладании кимакских, огузские и кыпчакские элементы. При этом разнородный состав с чересполосным или, возможно, даже смешанным проживанием различных тюркоязычных групп отмечается в это время также в лесостепи Западной Сибири, где к культурной мозаике добавляются угорские и самодийские черты. При этом огузский элемент выступает наиболее определенно в Барабинской лесостепи и, отчасти, в Кулунде (погребения в сопровождении головы и конечностей коня в курганах Преображенка III второй половины VIII — первой половины IX в. на Оми, Чулым II IX-X вв. на Чулыме на юге Барабы, отчасти Грязново IX-X вв. на востоке Кулынды и др.). Кыпчакский компонент с конскими захоронениями конца VIII-X вв. присутствует в степном и лесостепном Прииртышье (Подстепное в Павлодарской области, Романтеево в Омской, в Лихачевском могильнике XII-XIII вв. в Пришимье на юге Тюменской области). При этом огузский элемент локализуется преимущественно восточнее кимако-кыпчакского и, по-видимому, является несколько более древним. Данное явление фиксирует две волны продвижения групп тюркоязычного населения в направлении лесостепи — по преимуществу огузскую, шедшую в междуречьи Иртыша и Оби с VIII-IX вв., и кимако-кыпчакскую, направляющуюся вдоль Иртыша и к западу от него. При этом происходило частичное смешение разноэтнических тюркоязычных групп. Такое, в значительной мере уже смешанное, тюркоязычное население приняло участие в формировании западно-сибирских татар и в тюркизации местного угорского субстрата на севере лесостепи и в южнотаежной подзоне Тоболо-Иртышья в конце I — первой половине II тыс. н.э. Помимо отмеченных кимако-кыпчакских, в топонимике Прииртышья присутствует отмеченная Д. Г. Тумашевой [1992] огузская этнонимика в названиях ряда населенных пунктов на севере Омской области (Утузы, Утускун, Тава Отузская), что является следствием участия огузского компонента, наряду с кимако-кыпчакским, в этногенезе групп тоболо-иртышских, но, по-видимому, преимущественно иртышских татар.

Отдельная волна тюркоязычного проникновения к северу шла с IV-V вв. с Алтая вдоль Оби и Томи с их притоками. Это население было генетически связано с тюркоязычным этносом Горного Алтая. Постепенная его миграция привела к тюркизации населения Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, сложению здесь сросткинской культуры в ходе ассимиляции и взаимной аккультурации пришельцев и местного самодийского субстрата с последующим формированием тюркоязычного населения Верхнего Приобья и Притоболья.